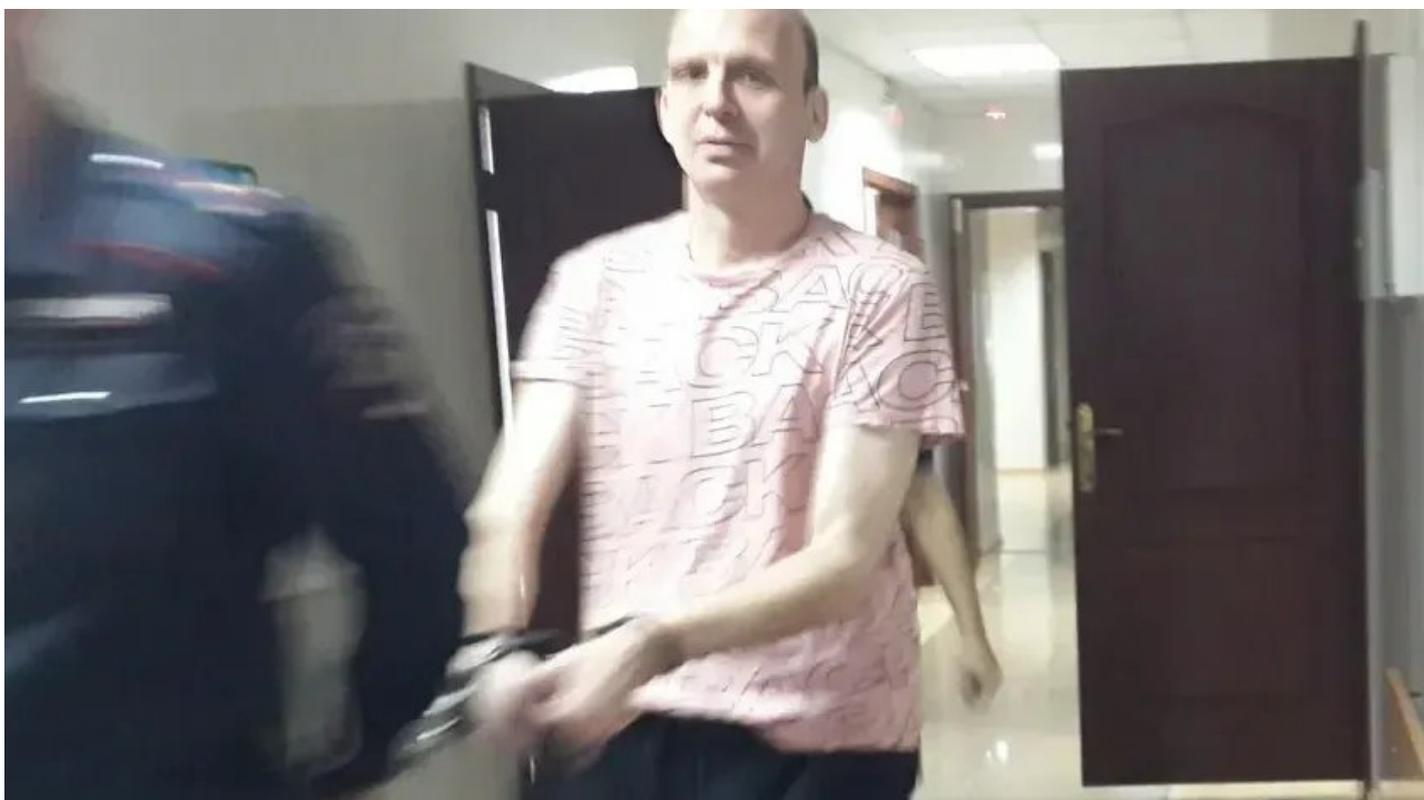

«Мне есть дело до любой несправедливости»

«Новая газета» присоединяется к международной акции солидарности журналистов «Последнее слово». Публикуем выступление Михаила Афанасьева

Михаил Афанасьев в коридоре суда. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

09:32, 8 сентября 2025,

8 сентября – Международный день солидарности журналистов. Прямо сейчас 39 журналистов находятся в заключении. «Новая газета» присоединяется к международной акции солидарности «Последнее слово»: сегодня различные медиа из разных стран мира публикуют выступления в суде журналистов. Мы призываем не забывать коллег и писать им письма. Публикуем последнее слово главного редактора издания «Новый фокус» Михаила Афанасьева. Приговорен по обвинению по п. «а» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ («Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооружённых сил РФ группой лиц с использованием служебного положения») к 5 годам 6 месяцам лишения свободы в колонии общего режима.

Написать письмо: 655017, Республика Хакасия, г. Абакан, кв. Молодёжный, д. 11, ФКУ ИК-35 УФСИН России по Республике Хакасия, Афанасьеву Михаилу Вячеславовичу, 1976 г. р.

«Любой человек – брат мой»

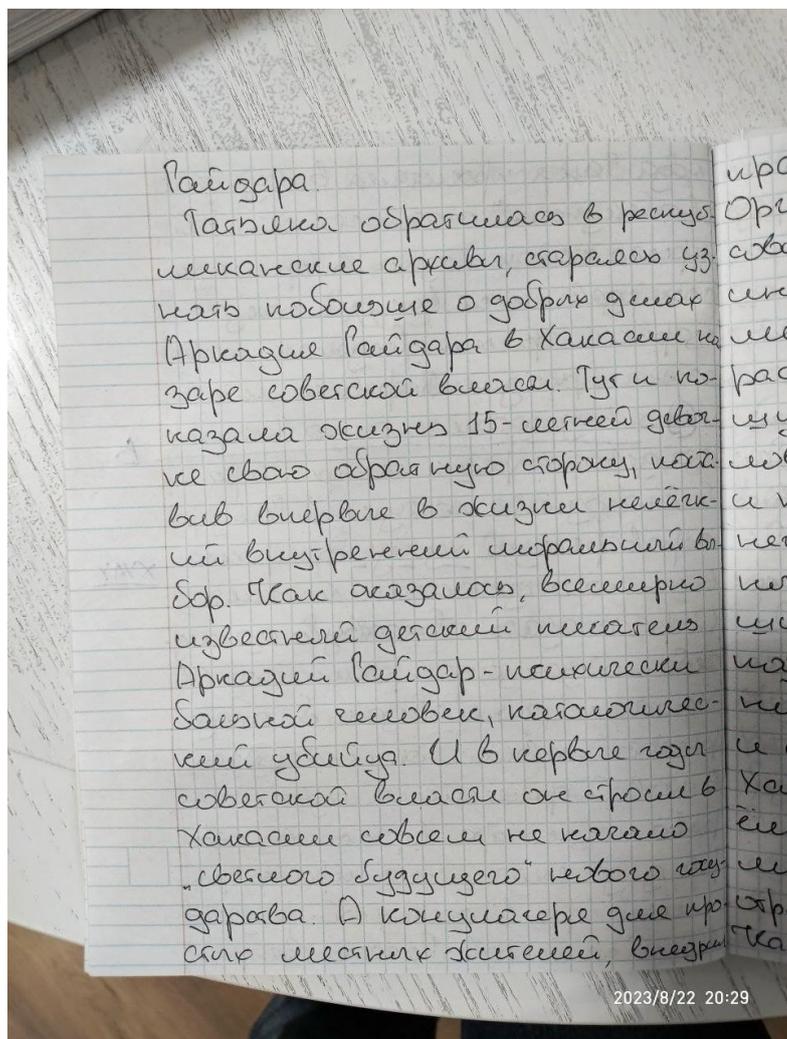
Преступность не может побеждать полицию, болезнь не должна изгонять врача, а язвы социума не могут одолеть журналистику. Последнее слово политзаключенного Михаила Афанасьева

«В годы советской власти детей в Хакасии настойчиво учили любить писателя Аркадия Гайдара. Среди них была и моя ровесница, ученица 9 класса абаканской школы № 19 Татьяна Соломатова. Осенью 1992 года Таня прочитала в «Собеседнике», что её герой причастен к казни в Крыму сотен сдавшихся в плен солдат царской армии. Гнусная клевета на Аркадия Петровича настолько возмутила юную Татьяну, что девочка решила раз и навсегда опровергнуть хулу на писателя примерами его благородных поступков.

Татьяна обратилась в республиканские архивы, тут и познакомилась девочка с обратной стороной жизни, впервые

поставившей её перед нелегким моральным выбором.

Как выяснилось, Гайдар в первые годы советской власти строил в Хакасии совсем не «светлое будущее» нового государства, а концлагеря для простых местных жителей. Также он внедрил практику взятия в заложники. Устраивал массовые казни, в том числе женщин с маленькими ребяташками.

Последнее слово Михаила Афанасьева в рукописи

Изобрёл непостижимую разумом, парализующую рассудок и душу практику расстрелов детей на глазах их родителей, и

наоборот. Убивал зачастую абсолютно неграмотных и совершенно ни в чём не повинных селян. Казнил показавшихся ему подозрительными подростков. Массово топил мужчин из улусов, аалов и сёл. Будущий кумир детей в Хакасии так преуспел в своём кровавом ремесле, что даже его прямой начальник командир отрядов ЧОН Енисейской губернии Какоулин был вынужден одёргивать молодого хакасского командарма, уличая его в ряде страшных преступлений.

Гайдара спасли высокие покровители, а его ужасные злодеяния против жителей республики скрыли, принудив Хакасию полюбить и воспеть своего палача.

Так юная Таня Соломатова встала перед нелёгким выбором — отвернуться от страшной правды и сохранить свои иллюзии или же поступить по совести и сорвать маску добродетели с кровавого упыря. 15-летняя Таня выбрала рассказать правду, поступив так, как учил советских детей другой всемирно известный писатель Марк Твен: «Вы не ошибётесь, если поступите правильно».

С помощью своего учителя истории Бориса Григорьевича Чунтонова Татьяна написала реферат «Действия ЧОН (частей особого назначения) на территории Ачинского и Минусинского уездов Енисейской губернии в 1922–24 годах. Исследование своё Соломатова и Чунтонов передали проводившему в Абакане свой творческий вечер известному писателю Владимиру Солоухину. Работа Татьяны настолько потрясла литератора, что, собрав дополнительные сведения, Солоухин написал о зверствах Гайдара в Хакасии книгу «Солёное озеро». Её издание в 1994 году оплатил влиятельный в те годы абаканский бизнесмен Михаил Хроленко.

Таня Соломатова — безусловный герой, именно про таких неповторимый Михаил Салтыков-Щедрин говорил, что в молодости человек более чуток к страданиям ближнего...

Но если рассмотреть книгу «Солёное озеро» с юридической точки зрения, то она является клеветнический, а то и, если приложить усилия, умышленно заведомо ложной!

Опубликованные в ней сведения не содержат ни одного доказательства того, что Гайдар причастен хотя бы к одному приписываемому ему преступлению. В книге нет доказательств, что преступления эти вообще совершались. Вся книга строится на свидетельствах местных жителей.

Приведённые в книге архивные документы имеют опосредованное отношение к Гайдару и хоть и содержат важные сведения, такие, как фамилии расстрелянных детей и негативную характеристику, данную Аркадию Петровичу собственными командирами, но в ней нет документальной информации, прямо указывающей на причастность Голикова к тому или иному преступлению. Всё это — абсолютные пустышки, с точки зрения юридического доказательства вины Аркадия Гайдара, — слова, порой анонимные, и не более того.

По словам писателя Солоухина, людей топили в прудах, но палачи отправляли несчастных под воду только в озёрах. А о казни лично Гайдаром из пулемёта 76 пожилых женщин с внуками и внучками в неназванной деревне вообще нет никаких сведений.

Поверьте, если задаться целью, то исключительно юридическим фактом можно на корню перечеркнуть и объявить заведомо ложным весь труд Тани Соломатовой и Владимира Солоухина, а их самих с полным правом признать клеветниками. Возбуди против них уголовное дело — и они не смогли бы предоставить органам следствия ни одного документального подтверждения обвинения против Гайдара.

Потому что простые граждане — не следователи.

Не мне вам говорить, тем более здесь, в зале суда, что одних свидетельств людей, тем более в значительной части анонимных, недостаточно, чтобы предъявлять Гайдару обвинения. С точки зрения УК, жуликами являются, скорее, те, кто распространил не подтверждённые документально сведения о храбром командире.

То же самое можно сказать о любых литературных произведениях, основанных на реальных событиях. Например, о книге «Я был на этой войне» красноярского писателя, бывшего офицера Вячеслава Миронова: как, скажите, он мог бы юридически доказать, что ему с подчинёнными пришлось снимать с креста тело распятого призывника из Абакана? А Лев Толстой в бессмертной повести «Смерть Ивана Ильича», списанной с реальной истории, доказывал, что первой мыслью коллег умершего судьи Тульского окружного суда Ивана Мечникова была: как они после его смерти продвинулись по службе.

Но как это вообще возможно? В реальности события имели место, а с юридической точки зрения их не было вовсе. Более того, все, кто имеет смелость утверждать, что эти события всё же происходили, легко может оказаться преступником.

Как же существовать литературе и вообще любому творчеству, если юридическим фактом можно перечеркнуть любую свободную мысль и даже целое произведение?

Юриспруденция — бездушная наука, тогда как творчество — непрерывный процесс исследования жизни и места в ней

человека, болезней общества и способов их врачевания. Постоянный поиск ответов на вопросы как дня нынешнего, так и загадок и тайн прошлого. Величайший учёный Владимир Вернадский говорил, что любое исследование занимается поиском места человека в мире, а писатель Михаил Салтыков-Щедрин — что благородная мысль не может останавливаться ни на минуту. Ибо только постоянный процесс обновления может спасти общество от одичания. Творчество — это пульс жизни. Это сфера, в которой будущее избавляется от пороков прошлого и настоящего. Юридическая наука оперирует точным фактом, а в распоряжении творчества — право. Юриспруденция охраняет порядок и справедливость в государстве, а творчество стоит на страже естественного течения жизни и права каждого человека на завтрашний день. Юридическая наука защищает единый организм государства, а творчество — его общее благо. Но государство с его монополией на юридическое преследование и кару априори сильнее творчества, привлекающего внимание общества к его язвам с помощью кисти художника, слова писателя, музыки композитора и пера журналиста. У литератора, исследователя глубин человека и социума, нет таких возможностей, да и обязанностей, как у «стражей закона» — полицейских, следователей или прокуроров.

Михаил Афанасьев. Фото из личного архива

Стражи общества — журналисты — не могут проводить оперативно-разыскные мероприятия, допрашивать под протокол свидетелей событий или происшествий, изымать документы, фото- и видеоматериалы, проводить очные ставки — для того, чтобы позже, в случае необходимости, доказать безупречную юридическую чистоту в своих статьях. В арсенале любого журналиста — только слово. Право человека поделиться (в том числе анонимно) информацией либо мнением, оценкой, суждением. Источник журналиста может передавать ему копии документов. И сам «страж общества» может воспользоваться своим правом на собственные выводы и оценки исследуемого события.

Журналист не может (и не должен) быть идеально компетентен и безупречно точен юридически, когда он излагает освещаемую им историю. И если, имея мощную систему многоуровневого контроля за законностью, соблюдением процессуальной

точности и разделением принятия решений по одному делу, ошибаются оперативники, следователи, прокуроры и даже судьи, то исследующий язвы общества и несправедливость к человеку и вынужденный довольствоваться лишь словами своих собеседников и источников журналист по природе и возможностям своего ремесла не может отвечать за безупречную юридическую доказанность излагаемых в его материалах событий. И тем более нести такой груз ответственности за одно лишь подозрение и пусть даже обвинение в ошибке или ошибках.

Юридический факт не может подавлять столь жестоко профессиональный долг и право журналиста на исследование жизни и язв общества. Подобное просто нечестно против тех, кто может лишь написать статью в защиту сограждан. Журналист указывает на проблему в обществе, а не доказывает в статьях юридические факты и истину.

Но как тогда при очевидном противоречии уживаться в одном пространстве двум противоположностям: бездушной юридической науке и естественной потребности исследовать и понимать свою жизнь, обсуждать ее пороки и искать лекарства от общих язв? Установленному юридическому факту и находящемуся в постоянном поиске праву? Ведь важны обе стороны, и жизнь без них просто немыслима. Наиболее точный ответ дал более 150 лет назад величайший французский писатель Виктор Гюго:

— Эта борьба между правом и фактом длится со времен возникновения общества. Закончить поединок, сплавить чистую идею с реальностью человеческой жизни, заставить право мирно проникнуть в область факта, а факт в область права — вот дело мудрых.

Тот же автор в том же произведении назвал право второй душой человека. А журналистика уже давно признана в мире

душой общества. А душа всегда будет бороться за жизнь, ее продолжение и прогресс. Известный российский государственный деятель XIX века Егор Брадке о слове, стоящем на страже интересов общества, говорил:

— Буква может быть помехою добру, но, при несовершенстве всех человеческих отношений, обходя ее, подвергаешься произвести еще более тяжкие недоразумения... Никогда не следует забывать, что она в сущности есть только служительница духа, помогающая охранять требования оного в испорченности человеческих отношений... Если не держаться строго этого соотношения, то дух утратит подобающее ему значение, разрушится весь государственный и общественный строй, и как надгробная ему надпись, останется одна мертвая буква.

Но буква, какой бы смысл, какую бы проблему она в себе ни несла, может только отпечататься на бумаге и быть прочитана. А юридический факт способен на многое. В 1937 году последний романтик Хакасии, руководитель региона Михаил Торосов письменно предложил дать Хакасии статус самостоятельного региона советской России. А его за это расстреляли, объявив шпионом, по заданию врагов готовившего отделение Хакасии и уже написавшего конкретный план. Желание Торосова улучшить жизнь своей малой родины, каждого ее жителя объявили преступлением, приговорили к смерти и официально признали это установленным юридическим фактом. Извинились спустя 50 лет, сказали: время такое было. Уже и Хакасия отдельный субъект России, а где захоронено тело Торосова неизвестно по сей день. Я присматривал за его символической могилой и каждый раз думал:

За что? Зачем? Кто от его смерти выиграл?

Михаил Афанасьев в суде. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Гюго говорил:

— Столкновение принципов подобно столкновению стихий...
Король защищает королевскую власть, демократия защищает народ.

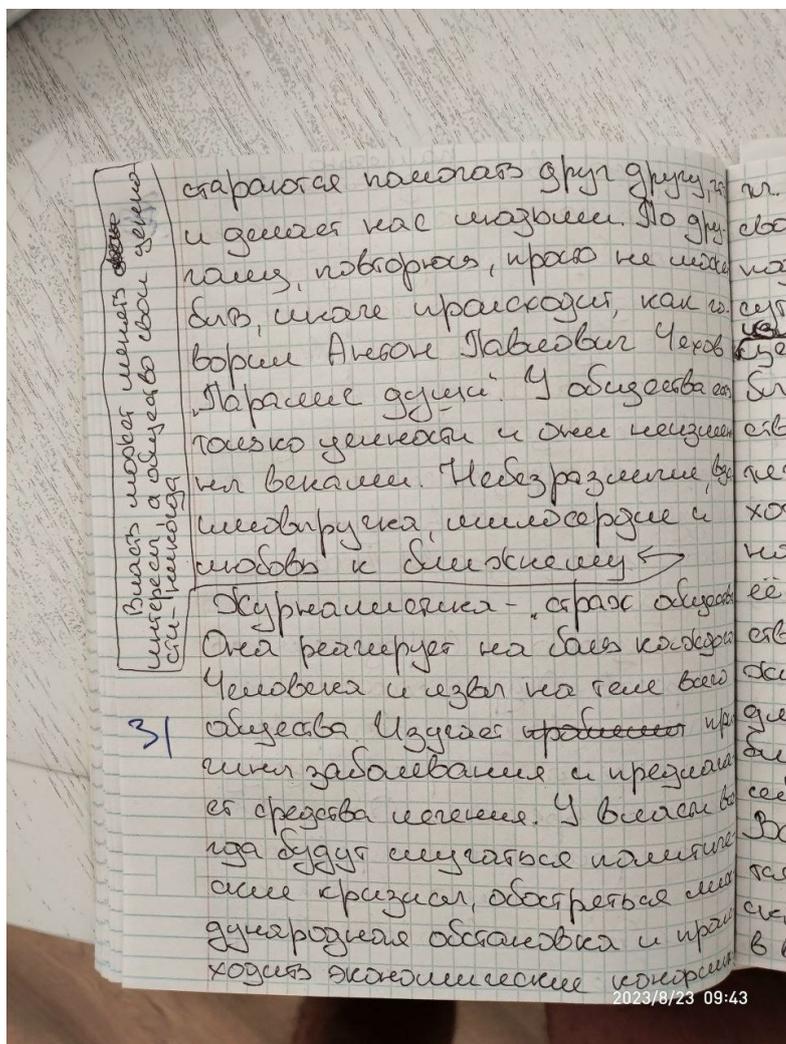
Так уж устроен мир, что власть и общество — абсолютные противоположности. Власть и выразитель ее интересов — политика, бездушный, циничный механизм. Ему чужды возвышенные идеалы человеколюбия, вечная ценность борьбы за ближнего своего, сострадание к чужой боли. Равнодушие — природа власти, ее стержень и опора. Это естественно, трава — зеленая, как ни хотелось бы разноцветной. Руководствуясь исключительно идеалами любви к ближнему, вряд ли власть могла бы исполнять свои функции. В периоды политических угроз, потрясений и кризисов любая власть всей своей мощью

стремится защищать только собственные интересы. Так же, как любой человек в момент опасности бросает все усилия на спасение своей жизни.

Но кризисы приходят и уходят. Те, кто вчера был первым врагом, завтра может оказаться уже лучшим другом. В 1983 году сбитый гражданский южнокорейский «Боинг» с сотнями пассажиров на борту только чудом не стал причиной ядерной войны. Спустя 5 лет правительство Южной Кореи предложило СССР участвовать в Олимпиаде в Сеуле, а взамен пообещало снять претензии по сбитому лайнеру. Узнай о такой циничной расторговке памятью своих близких политиками, родственники погибших и пресса учинили бы скандал на весь мир. Этот и сотни подобных примеров показывают, что

свои интересы власть ставит выше общечеловеческих ценностей и легко разворачивается на 180 градусов, если это выгодно политической повестке дня. И в том ее природа.

А общество и выразитель его интересов — журналистика — не могут позволить себе привилегию смены интересов в угоду веяниям времени. Общество либо стремится к справедливости и искоренению общих болячек, либо не живет вовсе. При любых катаклизмах люди помогают друг другу, что и делает нас людьми. Иначе не бывает, иначе происходит, как говорил Чехов, «паралич души». У общества есть только ценности, и они неизменны веками. Небезразличие, взаимовыручка, милосердие и любовь к ближнему. Власть может менять интересы, а общество свои ценности — никогда.

Последнее слово Михаила Афанасьева в рукописи

Журналистика — страж общества. Она реагирует на боль каждого человека и язвы на теле всего общества. Изучает причины заболевания и предлагает средства лечения. У власти всегда будут случаться политические кризисы, обостряться международная обстановка и происходить экономические конфликты. И всегда власть будет бороться за свои интересы, статус-кво в подвластных сферах. В том ее суть. А журналистика не может изменить ценностям своего ремесла. Как бы ни было тяжело, всегда должны быть те, хотя бы один, кто постоянно будет напоминать власти, что кроме ее интересов есть еще в государстве человек. Он живой, он хочет жить, любить, растить детей, принадлежать к общей, близкой ему благородной идее и оставить о себе добрую память. Всегда должны быть те, кто вступится словом за полицейского и расскажет о проблемах в ведомстве. Тот, кто расскажет о бедах врачей. Тот, кто поведаст о произвольном увольнении простого рабочего, чтобы уважение

к человеку труда превратилось в норму. Человек не виноват в том, что он хочет жить, а не умирать по глупости и халатности своего начальника. А журналист — в том, что стремится помочь этому человеку, как и велит профессиональный долг. Как вопрошают строки великого Николая Некрасова: «К народу возбуждать вниманье сильных мира — чему достойнее служить могла бы лира?»

В борьбе журналистским словом за человека априори не может быть никакой крамолы. Ведь под формой полицейского, под белым халатом врача или под спецовкой рабочего — тот же человек, и он хочет жить и не быть безразличным к происходящему в своей жизни. А все вместе мы хотим жить в справедливом и безопасном обществе. Но никто за нас не сделает его таковым.

Журналист стоит на страже интересов общества. Как полицейский не имеет права отвернуться от преступления, так и журналист не может отвести глаза от несправедливости только потому, что интересы одного алкоголизированного бездаря внезапно совпали с геополитическим кризисом власти, а пострадать могли невинные люди. Журналист не может уклониться от запутанной темы только потому, что ее могут иначе истолковать.

Журналистика изменяет природе своего ремесла, когда уклоняется от исследования несправедливости. А главное — ее причин. «Когда узнаем причину, — писал в статье «Война и прогресс науки» великий исследователь человечности Владимир Иванович Вернадский, — то можем легко решить проблему, и тогда человечество развивается в правильном направлении». Легендарный советский журналист Анатолий Аграновский учил, что основная функция журналистики — это поиск ответа на вопрос: «В чем корни наших проблем».

Без желания докопаться до правды, без намерения излечить общество от выявленной болячки журналистика теряет смысл. А главное — без стремления подставить плечо ближнему исчезает сам образ человечности.

Салтыков-Щедрин в 80-х годах XIX века очень актуально размышлял на эту тему:

— Почему я, видя человека беспомощным, не имею права подать ему руку помощи? Почему, имея возможность сообщить человеку полезный совет, обязываюсь вместо того осквернить его мозги благонамеренными благоглупостями? Ведь наконец в самой природе человеческой есть стремление симпатизировать своему ближнему и желать поднять его духовный уровень до своего духовного уровня! Почему я должен отказать себе в удовлетворении этого естественного требования? Почему, в случае отказа, я обязан иметь по сему предмету объяснение с становым приставом? (*«За рубежом»*, 1881).

Михаил Афанасьев на заседании суда. Фото: Сетевые свободы

Несомненно, любой журналист заинтересован в том, чтобы найти громкую негативную историю произвола чиновников против человека или, скажем, хищения казенных средств. В этом смысл журналистики и требования читательского интереса. Но разве можно встретить более благородную картину, чем доктор, заинтересованный в поиске болезней и избавления от них организма? Справедливо ли обвинять, скажем, обувного мастера, стремящегося качественно чинить ботинки, чтобы прослыть хорошим специалистом? А можно ли упрекнуть в нечестности полицейского за то, что он прикладывает все усилия, чтобы раскрыть громкое преступление? Но исключительно

в моем случае стремление делать нечто полезное на общее благо, сама идея слова на службе общества названа аж мотивом совершения тяжкого преступления, цитирую: «в стремлении привлечь повышенное

внимание к своей личности и осуществляемой им журналистской деятельности».

Великий композитор, поэт и певец Александр Вертинский считал самым трудным привлечение внимания к себе и своему творчеству, а актеры МХАТ им. Чехова отказывались выходить на сцену, если их фамилии отсутствовали в афише спектакля. Моя, тогда еще совсем маленькая, дочь София, занимаясь танцами, не хотела выступать, если я не смотрел в зале. А сын Иван просил, чтобы бабушка отправляла мне его фото, когда он брал новый рекорд количества кругов на пробежке. Рембрандт пририсовал себя на картине «Христос во время шторма на море Галилейском», художник Николай Ге висел на кресте, стараясь понять, о чем думал Иисус, а Лев Толстой смотрел и говорил: «Так и было». Желание поделиться с миром своими успехами и талантами — в самой природе человеческой. И только мне, только потому что я — личность и осуществляю журналистскую деятельность, запрещено привлекать к себе внимание, ибо исключительно для меня это мотив тяжкого преступления.

Европейский суд по правам человека, до середины 2022 года (в соответствии со статьей 15 Конституции России) толковавший профессиональные законы и стандарты журналистики, ясно определял, что она несет в государстве функцию — дословно — «сторожевой собаки общества» и «стража общества». Точно так же, как полицейский — «страж закона», прокурор блюдет его точное исполнение, а суд — хранитель права. Но моя профессия абсолютно незащищена, когда орудием против нее используется безусловность юридического факта. Журналистика, заведомо слабая, безусловно, окажется повержена строгими юридическими требованиями. Но исследование журналистом болячки на теле общества, даже если он в чем-то ошибается, никак не может быть мотивом тяжкого преступления, а привлечение внимания к проблеме словом в статье —

злодеянием против ни много ни мало общественной безопасности.

Никак не может быть в интересах общества игнорирование причин массового отказа бойцов полицейского спецназа своей республики служить в силовом ведомстве. Ведь полицейские охраняют правопорядок в регионе, а людям завтра отводить детей в детсады и отправлять в школы.

В законном и вполне объяснимом интересе общества априори не может быть крамолы. И тут я вновь обращаюсь к одному из своих моральных авторитетов — писателю Виктору Гюго:

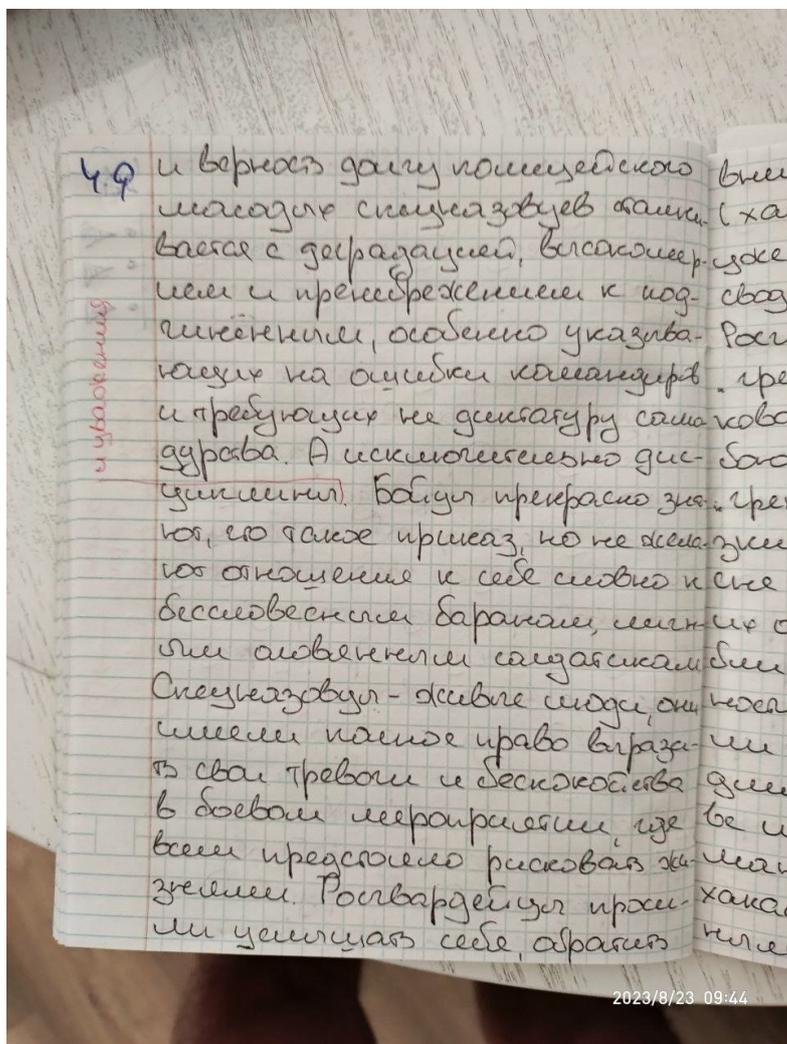
— Изучать уродливые черты и болезни общества, указывать на них для того, чтобы излечить, — это не та работа, где можно выбирать... Когда речь идет о том, чтобы исследовать рану, пропасть или общество, то с каких это пор стремление проникнуть вглубь, добраться до дна считается предосудительным? Мы всегда считали это проявлением мужества, во всяком случае, делом полезным и достойным сочувственного внимания». (*«Отверженные», глава «Арго»*).

Журналистика априори не может быть виновата в том, что она исследует болячки общества и причиняет неудобства власти, подвигая решать проблемы. Полицейского не отправляют в тюрьму только за то, что он выявил хищение бюджетных средств чиновниками — и это бросило тень на государственную власть в целом. Врача не сажают за решетку за то, что он обнаружил у человека опухоль — и это испортило статистику Минздрава. Пожарный не может сидеть в заключении только за

то, что увидел клубы дыма на горизонте и ударил в набат. Журналист не может нести ответственность за то, что он разглядел скрываемую чиновниками язву на теле общества. Преступность не может побеждать полицию, болезнь не должна изгонять врача, а проблема в обществе не может одолеть журналистику. Общество не может жить и развиваться, будучи лишенным права знать о своих язвах и болячках. Без права исследовать их, обсуждать и всем вместе искать лекарства.

— Вопрос самый жгучий именно тогда и утрачивает значительную часть своей жгучести, — пишет Салтыков-Щедрин, — когда он подвергнут открытому исследованию (допустим, даже самому страстному). (*«Письмо 11-е»*, 1882).

Живое всегда будет бороться за живое и стремиться залечивать раны на своем теле. Дерево выбрасывает смолу на поврежденный участок не для того, чтобы скрыть уязвимость, а для того, чтобы защитить организм от развития болезни.

Последнее слово Михаила Афанасьева в рукописи

С 2020 года я активно освещаю внутренние проблемы полицейского спецназа в Хакасии и утверждаю, что среди бойцов нет ни предателей, ни трусов. Достоинство личности, образованность и верность долгу полицейского молодых спецназовцев сталкивается с деградацией, высокомерием и пренебрежением к подчиненным. Особенно к тем, кто указывает на ошибки командиров и требует не диктатуры самодурства, а исключительно дисциплины и уважения. Бойцы прекрасно знают, что такое приказ, но не желают отношения к себе словно к бессловесным баранам, личным оловянными солдатикам. Спецназовцы — живые люди, они имели полное право выразить свои тревоги и беспокойства в боевом мероприятии, где всем предстояло рисковать жизнями.

Росгвардейцы просили услышать их, обратить внимание на общие проблемы хакасского ОМОНа и избавить уже от, как

выразился командир сводного отряда республиканской Росгвардии Алексей Корниенко, «грешка» Александра Ломаченкова. Никто не хочет умереть в бою из-за частого впадения в «грех» командира. Никто из близких отказников в страшном сне не захотел бы увидеть, что их отцы, сыновья, мужья погибли из-за чьей-то «греховности», безответственности.

В итоге полицейские были вынуждены искать справедливости в журналистском слове и публично привлекать внимание к застарелой проблеме хакасского ОМОНа.

И единственным мотивом моей публикации было стремление заступиться словом за рядовых бойцов, привлечь внимание к несправедливости и разрушительным проблемам в отряде, в полной мере проявившимся в критической ситуации.

В этом нет злого умысла, это нормально для общества, желающего знать причину отказа каждого третьего бойца спецназа полиции их республики от выполнения приказа. И как минимум версию самих рядовых полицейских. А в первую очередь в независимом выяснении причин заинтересована сама власть. Именно так исцеляются болячки общества — словом и светом.

— Только разделенное страдание может помочь отыскать выход из тьмы к свету, — пишет в «Письме 14-м» Салтыков-Щедрин в 1882 году.

За 26 лет в журналистике 16 из них меня бьют, судят, держат в тюрьме только за то, что я словом, только журналистским пером заступаюсь за человека, сограждан и журналистской

деятельностью привлекаю внимание к болячкам на теле общества. Я умею, повторяюсь, постоять за свою профессию и ее ценности борьбы за человека. Потому что наше ремесло не менее важно, чем профессия полицейского, стоящего на страже правопорядка, или судьи, охраняющего право. И функции журналистики в обществе нужно уважать, а не топтать, пользуясь беззащитностью нашего ремесла перед юридическими уловками. За всё время преследования я никого не ударил, не потребовал судить и тем более не добивался отправить своих гонителей в тюрьму. Я всегда просил только об одном: уважать самое благородное ремесло — слово журналиста на службе общества. Ведь ничего, кроме слова, у общества для своей защиты нет.

Преследуя же за слово в защиту ближнего в моих статьях, меня тем самым словно пытаются приучить к тому, что проявление произвола, самодурства, беззакония, равнодушия, а порой и убийственной глупости разного рода чиновников — это не моё дело.

Нет, это именно моё дело.

Михаил Афанасьев со своей семьей

— Никакое правдивое перо, — пишет всё тот же «наше всегда» Салтыков-Щедрин, — не возьмёт на себя вычеркнуть из личности то, что хотя бы не в равной степени, но всеми чувствуется как основная и жгучая боль минуты.

Мне есть дело до причин гибели в пожаре троих детей на станции Аскиз, включая неспособность местных спасательных служб пресечь развитие трагедии и уберечь ребятишек от смерти.

Мне есть дело до причин гибели водителя в кабине грузовика в Сорске и последующего несправедливого отношения работодателя к его семье.

Мне есть дело до отцов, потерявших в роддоме жён и детей. Сегодня у них у всех новые семьи, родились малыши. У одних я

стал свидетелем венчания, у других — крёстным их детей.

Мне есть дело до матерей, чьи, пусть и взрослые, дети были убиты, а причастные к этому преступлению ушли от ответственности.

Есть дело до забытой иконы Албазинской Божьей Матери, сейчас она возвращена в один из абаканских храмов, и есть дело до памяти детей, погибших более 60 лет назад в жуткой катастрофе под Минино.

Мне до всего в Хакасии есть дело, потому что я — журналист, и каждый человек — мой ближний. Я пришёл в журналистику не для того, чтобы отводить глаза от несправедливости и от язв на теле общества. Я не могу вот так просто сидеть

и рассказывать своим детям о верности идеалам гуманизма и при этом не замечать, что ищет справедливости потерявший семью отец, что забыт герой восстания или что творится произвол против омовца из моего города. И мне не нужны ни власть, ни деньги. Я просто хочу быть рядом с униженными и оскорблёнными, отстаивая своим словом, своими публикациями их достоинство и вместе с ними добиваясь справедливости, подталкивая власть и людей к диалогу о том, как нам вместе справляться с язвами нашего социума.

Именно это и делает меня человеком и журналистом, и именно поэтому мне есть дело до любой несправедливости в хакасском обществе.

«Самый забитый, последний человек — тоже человек, и

называется брат мой», — проповедовал Виссарион Белинский. «Тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить», — писал Достоевский. «Жив всякий человек не заботой о себе, а любовью», — подчёркивал Лев Толстой. И уж лучше пусть я ошибусь, даже не по своей вине, приводя в своей статье дату боевого столкновения или говоря о наличии человеческих жертв, чем равнодушно пройду мимо этой больной и страшной темы.

Известный советский писатель Юлиан Семёнов, рассуждая в романе «Противостояние» как раз об ошибке журналиста, особо подчеркнул: «Ошибка угодна обществу. Она — результат поиска».

Уже не говорю о том, что действовавшее на момент публикации европейское законодательство о свободе слова прямо разрешает ошибку в материале журналиста, в котором он исследует социальную проблему. Ведь, повторяюсь, журналист — это не следователь, он не доказывает безусловную юридическую истину, а словом указывает на проблемы и пороки общества.

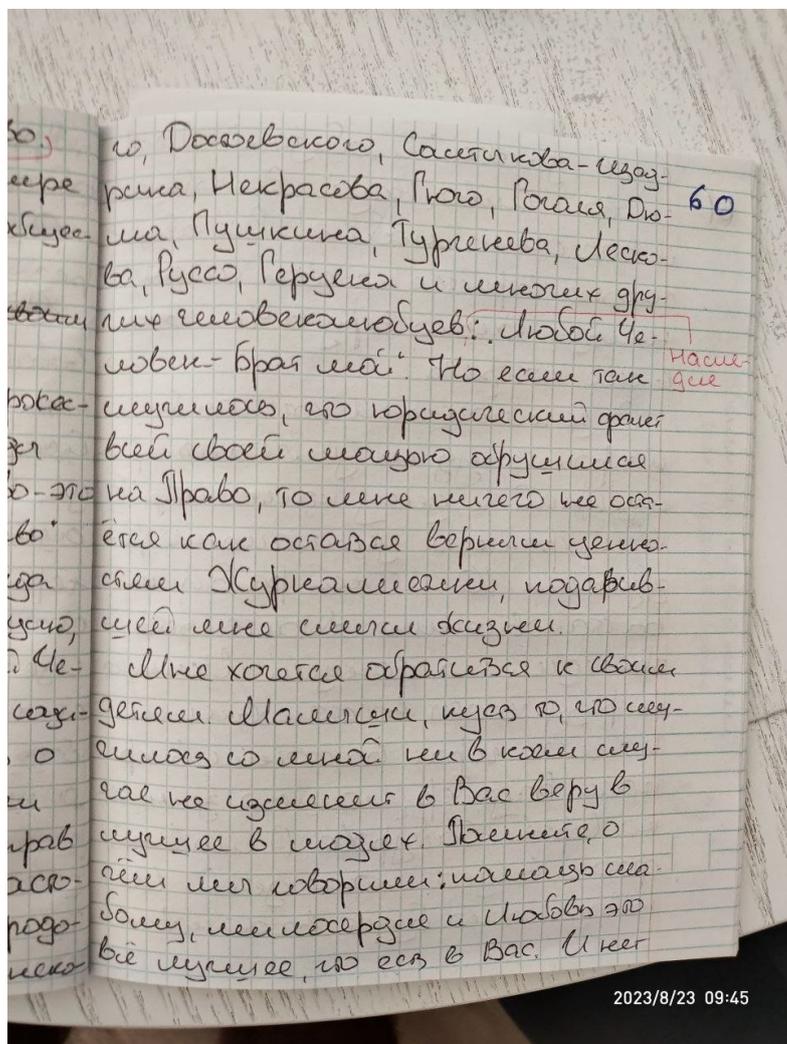
И ещё я точно знаю, что долг общества — заступаться за полицейских, потому что настоящие полицейские защищают общество и каждого человека в нём. Это и есть то, что во всём цивилизованном мире называется гражданским обществом.

Виктор Гюго считал: «Торжествующему праву нет нужды прибегать к насилию. Право — всё, что истинно и справедливо» (роман «Отверженные»). У меня всегда была мечта создать редакцию, куда мог бы прийти любой человек — любой профессии и любого социального статуса — и рассказать о своей проблеме или трагедии, чтобы получить защиту своих прав журналистским словом настоящих «стражей общества», продолжающих великое дело Белинского, Гоголя, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Пушкина, Лескова, Руссо, Дюма, Герцена, Гюго, Тургенева и многих других

человеколюбцев: любой человек — брат мой.

Но если случилось так, что юридический факт всей своей мощью обрушился на право, то мне ничего не остаётся, кроме как остаться верным ценностям журналистики, подарившей мне смысл моей жизни.

Мне хочется обратиться к моим детям. Пусть то, что случилось со мной, ни в коем случае не поколеблет в вас веру в лучшее в людях. Помните, о чём мы с вами говорили: помощь слабому, милосердие и любовь — это самое лучшее, что есть в вас. И нет слов «должен» и «обязан», а есть слово... слово «надо». Я вас очень люблю! Всё обязательно вернётся на свои места, нельзя только потерять в себе веру в человека.

Последнее слово Михаила Афанасьева в рукописи

В заключение хотелось бы попросить суд не уничтожать приобщённый к делу компьютер. В нём хранятся уникальные результаты 10-летней работы по восстановлению обстоятельств трагедии на станции Минино и результаты восстановления памяти героя восстания в крепости Бадабер (1985) нашего земляка Сергея Сабурова. А главное, фото и видео моих детей — их невозможно будет восстановить.

Завершить хочется моим любимым посланием к российской интеллигенции великого Михаила Салтыкова-Щедрина: «Сознайте же свою силу, но не для того, чтоб безразлично посылать поцелуи правде и неправде, а для того, чтоб дать нравственную поддержку добросовестному и честному убеждению. Право, без этой поддержки невозможно сделать что-нибудь прочное».

Спасибо, что выслушали.

29.08.2023»